

**КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ: ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ЧАСТИ
РЕЧИ**

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

*д.ф.ф.н. (PhD) кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Нормахматова Сугдиона Уйгуновна

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института*

Аннотация: Настоящая статья посвящена одной из наиболее дискуссионных проблем русской грамматики — обоснованию правомерности выделения категории состояния (предикативов) в самостоятельную часть речи. В работе анализируется эволюция научных взглядов на природу слов, обозначающих состояние, от первых гипотез Л.В. Щербы до современных полемик в лингвистике. Исследуются критерии разграничения категории состояния с омонимичными частями речи (краткими прилагательными, наречиями, существительными) в синхронном срезе. Особое внимание уделяется проблеме терминологического плюрализма и лексикографической непоследовательности в фиксации данного класса слов. В статье доказывается, что традиционные морфологические критерии недостаточны для установления частеречного статуса, и предлагается функционально-семантический подход к решению этой проблемы. Материалом для анализа послужили примеры из современной художественной литературы и разговорной речи, подвергнутые лингвистической интерпретации без прямого цитирования.

Ключевые Слова: категория состояния, предикатив, безлично-предикативные слова, части речи.

Проблема выделения слов, обозначающих состояние, в отдельный грамматический класс представляет собой, пожалуй, один из самых устойчивых «каменей преткновения» в русской теоретической грамматике. На протяжении почти столетия, прошедшего с момента публикации программной работы Л.В. Щербы «О частях речи в русском языке», лингвисты так и не пришли к консенсусу относительно того, обладают ли лексемы типа можно, жаль, холодно, совестно статусом самостоятельной части речи или же они являются лишь периферийной подгруппой внутри наречий или имен прилагательных. Ситуация осложняется тем, что, в отличие от большинства других частей речи, этот разряд слов не имеет

единой, непротиворечивой парадигматической характеристики, а его существование во многом держится на синтаксическом критерии — способности выступать в роли главного члена безличного предложения.

В истории изучения этого вопроса отчетливо выделяются два противоположных лагеря. Сторонники «широкого подхода», восходящего к традициям Фортунатовской школы (в частности, А.М. Пешковский), склонны рассматривать эти единицы либо как особые «бессубъектные прилагательные», либо как специфические наречия, выполняющие функцию сказуемого. Противоположную позицию занимают последователи Л.В. Щербы и В.В. Виноградова, настаивающие на обособлении категории состояния в силу ее уникального категориального значения — не процессуального признака (действия) и не качества предмета, а пассивно воспринимаемого состояния (природы, среды или лица). Как справедливо отмечает один из исследователей в области функциональной грамматики, спор о частеречном статусе этих слов — это не просто схоластический диспут о названиях, это вопрос о природе русской предикативности и о том, как язык моделирует ситуацию отсутствия активного субъекта действия.

Для того чтобы разобраться в сути проблемы, необходимо, прежде всего, посмотреть на сами слова не как на изолированные единицы словаря, а как на функциональные омонимы. Ключевая лингвистическая трудность заключается в явлении транспозиции: огромное количество единиц, относимых к категории состояния, обладают формальными двойниками в других частях речи. Возьмем, к примеру, лексику, передающую ощущение тепла. В высказывании, где говорится о печке, которая хорошо излучает тепло, это слово будет выступать как наречие, зависящее от глагола и отвечающее на вопрос образа действия. В предложении, описывающем поверхность батареи, это же слово может оказаться кратким прилагательным среднего рода, согласующимся с подлежащим-существительным. И только в конструкции, называющей общее ощущение субъекта без указания на деятеля, например, когда человек описывает свое самочувствие на улице, это слово обретает черты предикатива: оно обозначает не признак предмета и не признак действия, а безотносительное состояние.

Именно эта «расщепленная» природа и порождает основной вопрос: является ли функциональная нагрузка достаточным основанием для выделения новой части речи? Сторонники автономного статуса утверждают, что да, поскольку синтаксическая роль и тип семантики здесь настолько специфичны, что их нельзя без потерь редуцировать к наречию или прилагательному. Оппоненты, в свою очередь, апеллируют к

морфологии: у этих слов нет особых словоизменительных категорий (они не склоняются и не спрягаются), и, следовательно, нет формальных оснований выводить их за рамки группы наречий. Однако здесь кроется логическая уязвимость: наречие традиционно определяется как часть речи, обозначающая признак действия или качества. Когда мы говорим «Мне грустно», слово грустно не обозначает признак того, как я совершаю действие (я не «грущу» активно, как при глаголе). Оно называет мое психофизическое состояние непосредственно. Следовательно, мы сталкиваемся с ситуацией, когда форма (неизменяемость на -о) вступает в конфликт с содержанием (непризнаковое значение и особая валентность на дательный падеж субъекта).

Лексикографическая практика отражает эту неопределенность особенно ярко. Если обратиться к авторитетным толковым словарям, можно обнаружить удивительный разнобой в системе помет. В некоторых изданиях для таких слов используется описательная помета «в значении сказуемого» или «в функции безличного сказуемого», что указывает сугубо на синтаксическую роль, оставляя открытым вопрос об их морфологической квалификации. В других, более современных, словарях появляется помета «предикатив». Существуют даже терминологические гибриды, такие как «безлично-предикативные слова», предложенные А.М. Пешковским, или «слова категории состояния», закрепленные В.В. Виноградовым. Отсутствие унифицированной пометы «категория состояния» в большинстве лексикографических источников свидетельствует о том, что даже составители словарей, фиксирующие живое словоупотребление, испытывают колебания. Как замечает один из исследователей лексикографии, часто вместо четкого частеречного ярлыка используется описание функции, что является косвенным признанием того, что слово «переросло» рамки исходной части речи, но еще не обрело полного признания в системе.

Особого внимания заслуживает физическая и модальная природа этих единиц. В рамках категории состояния традиционно выделяют несколько семантических блоков. Первый и самый многочисленный — это лексемы, описывающие физическое состояние окружающей среды или живого существа (ветрено, зябко, душно). Второй блок — это модальные предикативы, выражающие оценку действия с точки зрения возможности, необходимости или долженствования (можно, нельзя, нужно, надобно). Третий блок — это эмоционально-психологическая оценка состояния субъекта (обидно, стыдно, приятно). Наконец, существуют так называемые «предикативы-существительные», которые прошли длительный путь грамматикализации и утратили предметное

значение, сохранив лишь оценочную сему, как в случаях, когда о человеке говорят, что ему «лень» что-то делать, или называют что-то «грехом». В конструкции с инфинитивом такие слова перестают обозначать конкретный объект («лень» как физическое отсутствие желания) и начинают обозначать абстрактную оценку ситуации.

Проблема выделения этой части речи усугубляется, если рассматривать ее в типологической перспективе. Сравнительный анализ с германскими и романскими языками показывает, что категория состояния не является сугубо русским феноменом, хотя в русском языке она получила наиболее яркое грамматическое оформление. В английском или немецком языках аналогичные смыслы часто выражаются конструкциями с прилагательным через связку, где обязательно формальное подлежащее *it*. Русский язык в этом смысле уникален тем, что позволяет опустить не только деятеля, но и формальное подлежащее, а само слово состояния приобретает черты, сближающие его с глаголом (в частности, способность управлять падежами, например, творительным падежом, или сочетаться с инфинитивом). Некоторые лингвисты даже рассматривают эту группу как промежуточную стадию между именем и глаголом, своего рода «динамическое имя». Эта гипотеза подтверждается тем фактом, что большинство слов категории состояния исторически восходят к именным формам, но в современном языке они обрели способность выражать время через глагольную связку (было весело, будет весело), что для имени нехарактерно.

Аргументом против выделения категории состояния часто служит тезис о лексической неполноте этого класса. Действительно, в отличие от существительных или глаголов, этот разряд остается относительно закрытым и пополняется в основном за счет адвербиализации прилагательных. Однако, как показывает анализ диахронических процессов, этот класс находится в состоянии становления. В древнерусском языке подобные конструкции были еще более тесно связаны с именными формами; постепенно, в ходе развития литературного языка, произошло своего рода «снятие согласования». Лексема застыла в форме среднего рода единственного числа, а связка стала единственным носителем грамматических категорий времени и наклонения. Этот процесс, который языковеды называют «предикативацией», приводит к тому, что качественное прилагательное или наречие как бы «застывает» в предикативной позиции, обрывая связи с подлежащим и начиная обозначать чистое состояние.

Дискуссия о частеречном статусе этих слов имеет не только теоретическое, но и практическое, методическое значение. В школьной

практике вопрос о словах категории состояния решается непоследовательно: в одних программах их упоминают как отдельную часть речи, в других — рассматривают в рамках раздела о наречиях, маркируя как «предикативные наречия». Эта непоследовательность приводит к методическим ошибкам. Учащимся сложно объяснить, почему в предложении, описывающем внутренние ощущения персонажа, слово, оканчивающееся на -о, является сказуемым, а не обстоятельством, если оно ни от чего формально не зависит. Наиболее продуктивным для школьной грамматики сегодня признается функциональный подход: учат определять частеречную принадлежность не по вопросу, а по синтаксической роли и по наличию/отсутствию подлежащего. Если в контексте нет подлежащего в именительном падеже, и слово обозначает состояние, а не действие — перед нами категория состояния.

Обратимся к анализу конкретных языковых ситуаций, опуская прямое цитирование, но сохраняя семантику. Рассмотрим конструкцию, описывающую утреннюю погоду за окном. Если говорящий хочет констатировать факт наличия низкой температуры воздуха безотносительно к источнику этого холода, он употребит предикатив. Если же он описывает, как именно дрожит замерзший человек, то употребит наречие, зависящее от глагола. Наконец, если он коснется щечкой стекла и даст оценку физическому свойству предмета, то перед нами окажется краткое прилагательное. Визуально слова могут быть абсолютно идентичны — различие лежит исключительно в плоскости синтаксических связей. Эта триада (прилагательное — наречие — категория состояния) демонстрирует, как один и тот же звуковой комплекс может реализовать три разных грамматических программы.

Особую сложность представляют лексемы, которые являются «чистыми» предикативами, то есть не имеют омонимов в других частях речи. К ним относятся такие единицы, как можно, нужно, нельзя, жаль. У этих слов нет формы именительного падежа прилагательного (нельзя сказать «этот путь нельзя» о существительном), и они не обозначают признака действия (нельзя «сделать можно»). Их единственная функция — быть центром безличного предложения. Существование подобных лексических единиц является сильнейшим аргументом в пользу выделения категории состояния, так как они не вписываются ни в одну другую частеречную парадигму без серьезных натяжек. В.В. Виноградов настаивал именно на этом, утверждая, что наличие слов с узкоспециализированной функцией доказывает жизнеспособность и необходимость этой грамматической категории в системе языка.

Критики этой точки зрения, в частности представители формальной школы, возражают, что наличие закрытого класса «неполноценных» слов не является основанием для создания новой части речи. Они предпочитают говорить о безагенсных предложениях и рассматривать такие слова как особый тип сказуемого, не приписывая им частеречного статуса. Однако эта позиция разрушает целостность классификации частей речи, которая должна покрывать весь лексический состав языка. Если можно — не наречие, не глагол, не имя, не прилагательное и не служебная часть речи, то чем же оно является? Игнорировать его лингвистическую природу или объявлять его уникальной периферийной единицей — значит, признать несовершенство существующей классификации.

Важным аспектом проблемы является наличие у слов состояния временных форм. Способность сочетаться со связками быть, стать, становиться и тем самым образовывать аналитические формы прошедшего и будущего времени сближает их с глагольным ядром языка. О субъекте, пережившем печальное событие, можно сказать, что он находился в состоянии подавленности в прошлом (например, ему было тошно), находится в нем в настоящем (опуская связку) или будет переживать его в будущем (будет тошно).

Для наречия или краткого прилагательного такие временные противопоставления не являются системообразующими; прилагательное в предикативной форме обычно указывает на признак, приуроченный к моменту речи, но без специальных модификаторов не выражает грамматического будущего так четко, как связка при предикативе.

В истории языкознания существовали попытки объявить слова категории состояния особой формой глагола. Однако эти попытки не нашли поддержки, так как категория состояния лишена таких глагольных категорий, как вид, залог и лицо (формы 1-го или 2-го лица у предикативов невозможны; нельзя сказать «мне буду грустно» в значении активного действия, либо я жаль). При этом именное происхождение большинства из них остается очевидным. Таким образом, перед нами гибрид: от глагола взята способность обозначать предикат и иметь время, от имени — падежное управление (дательный субъекта) и отсутствие личного спряжения.

Возвращаясь к терминологической путанице, стоит отметить, что в европейской лингвистике русская «категория состояния» чаще переводится как *predicatives* или *statives*. Это подчеркивает именно синтаксическую, а не морфологическую доминанту. Представители Пражской лингвистической школы выдвигали идею о том, что части речи

— это не жесткие ящики, а поле. В центре поля находятся прототипические представители (глагол действия, предметное существительное), а на периферии — переходные явления. Категория состояния в этом смысле является идеальным примером периферийной зоны, где свойства имени и глагола пересекаются. Именно этим объясняется живучесть спора: чем ближе к периферии, тем меньше жестких критериев и больше свободы для интерпретации.

Практическая значимость решения проблемы выделения категории состояния выходит за рамки лингвистической теории. От того, как мы классифицируем слово душно в описании атмосферы в комнате, зависит автоматический синтаксический анализ (парсинг) текстов при машинном переводе. Если искусственный интеллект неправильно определит частеречную принадлежность, он может сконструировать неверную структуру предложения, например, искать подлежащее там, где его нет, или интерпретировать состояние как признак действия. В современной компьютерной лингвистике разработка эффективных алгоритмов распознавания предикативов является актуальной задачей, решение которой упирается в ту же теоретическую неопределенность, что мучает грамматистов уже сотню лет.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что система частей речи русского языка, унаследованная от античной и латинской традиции, не является закрытой и завершенной. Выделение категории состояния отражает реальную потребность языка в специализированном способе выражения нефункциональных, пассивных состояний. Безличные предложения с этим типом сказуемых составляют значительный пласт русской языковой картины мира, где акцент смещен с активного деятеля на переживание или среду. Игнорирование этой специфики ведет к логическим противоречиям при попытке «втиснуть» все слова в прокрустово ложе традиционных восьми частей речи.

Однако, признавая автономность этого класса в функциональном плане, приходится признать его морфологическую зависимость. В отличие от имени или глагола, категория состояния не имеет собственного уникального словообразовательного аффикса (суффикс -о — заимствован у наречий и прилагательных) и не обладает системой флексий. Это «недостающее звено» делает ее уязвимой для критики. Поэтому в современной лингвистике набирает силу компромиссная точка зрения: мы имеем дело с особой синтаксической категорией, а не с классической частью речи в морфологическом смысле слова. Это означает, что в лексиконе слова могут принадлежать к разным группам (наречиям, прилагательным), но в синтаксисе, попадая в позицию

главного члена безличного предложения, они реализуют единую функцию — функцию обозначения состояния.

Данный подход реализован в целом ряде академических грамматик, где слова категории состояния описываются в разделе о структуре простого предложения, а не в разделе о морфологии. Таким образом, раз за разом подтверждается мысль, высказанная еще ранними формалистами: синтаксис первичен по отношению к морфологии. Именно предложение расставляет всё по местам, снимая омонимию и актуализируя то значение, которое нужно говорящему.

Интересен аспект исторического развития этого разряда. В древних текстах, как указывают исследователи исторической лексикографии, конструкции с так называемым «дательно-предикативным оборотом» встречались реже и были более слиты с именными формами. Со временем произошло «высвобождение» предикатива: он перестал зависеть от имени в косвенном падеже и стал самостоятельным центром предложения. Этот процесс продолжается и сегодня. Живая речь постоянно поставляет новые единицы, которые начинают использоваться в функции состояния. Например, заимствования или сленговая лексика (типа «комильфо») легко осваиваются именно в этой модели: «Ему не комильфо так поступать». Здесь нет глагола в личной форме, нет согласования, есть только субъект в дательном падеже и слово, выражающее оценку (состояние этического комфорта/дискомфорта). Это подтверждает, что модель жива и продуктивна, она притягивает к себе новые лексемы, что является верным признаком наличия самостоятельной грамматической категории в языке.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что спор о категории состояния — это не частный вопрос, а зеркало общих методологических проблем лингвистики XX-XXI веков: столкновение формального (морфоцентрического) и функционального (синтаксико-семантического) подходов к языку. Формальный подход, требующий четких парадигм, отрицает ее самостоятельность, видя в ней лишь «тень» наречия. Функциональный подход, апеллирующий к тому, как язык реально работает в речи, настаивает на ее выделении, ибо игнорировать столь специфическую конструкцию в системе русского синтаксиса невозможно.

Пожалуй, наиболее взвешенным является мнение, что на современном этапе развития языкознания целесообразно говорить о «классе слов категории состояния», подразумевая под этим лексико-грамматический разряд слов, обладающих совокупностью устойчивых признаков: категориальным значением состояния, синтаксической ролью главного члена безличного предложения,

неизменяемостью и способностью к временному варьированию через связку. Терминологическая борьба между «предикативом», «категорией состояния» и «безлично-предикативными словами» не должна заслонять сути: перед нами уникальное языковое явление, обслуживающее глубинную потребность русского человека в моделировании ситуаций, где ничто не действует, а всё — претерпевается. Без признания этой специфики описание русской грамматики будет неполным, что бы ни говорили строгие формалисты о морфологических критериях. Язык живет своей жизнью и часто не вписывается в умозрительные схемы, создавая новые формы там, где это необходимо для выражения смысла.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001.
2. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957.
3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001.
4. Лект П.А. Категория состояния в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
5. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000.
6. Исаченко А.В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания, 1961, № 1.